

УДК: 101.3

СПЕКУЛЯТИВНАЯ ЛОГИКА ГЕГЕЛЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузьмин А. А.

*Гуманитарный институт Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого,
г. Великий Новгород, Российская Федерация.*

E-mail: 59aak@mail.ru

Спекулятивная логика Гегеля становится ареной современных дискуссий о смысловых приоритетах логической мысли. Для современных интерпретаторов гегелевской философии его система определений мышления устроена таким образом, что исключает возможность онто-теологического гипостазирования. Цель исследования – выявить важнейшие предпосылки гегелевского дискурса для формирования данной интерпретации. Автор показывает, что логическое в философии Гегеля, выражая структурное устройство мира и его системы, предполагает и вместе с тем отрицает онтологические сигнификаты. Автор предлагает рассмотреть особенности современных интерпретаций гегелевской логики как рефлексивной установки, альтернативной установке трансцендентальной философии. В качестве возможного основания интерпретации гегелевской логики рассматривается положение Гегеля, согласно которому абсолютная рефлексия определяется как саморефлексия, особенность которой в том, что она сама устанавливает собственные условия и основу, познает и признает свою сущность как «движение от ничто к ничему».

Ключевые слова: логическое, Гегель, А. Шуберт, структура, рефлексия.

Современную философию, как полагает немецкий исследователь творчества Гегеля А. Шуберт, можно коротко охарактеризовать одним способом. Этот способ состоит в том, чтобы рассматривать движение мысли по преодолению двух инстанций – субстанции и субъекта – в их историко-функциональном контексте, а именно: как производственные отношения, формы мышления и общения, язык и констелляция бессознательного. При этом А. Шуберт предлагает учитывать сложившееся за последнее время отношение к философии Гегеля со стороны негативного структурализма Ж. Деррида с его известной идеей «структуральной деконструкции метафизического дискурса» и со стороны негативной диалектики Т. Адорно. Намечая общие контуры своего исследования, он предполагает провести его в сопряжении с этими двумя сторонами негативного отношения к философии Гегеля, которые, вместе с тем, взаимно критикуются и корректируются. В таком соотношении двух направлений современно значимой для А. Шуберта философской мысли они оба встречаются в «гегелевском дискурсе», даже если они прямо и не согласуются друг с другом в этом месте. А осуществляющий планирование такой встречи «гегелевский дискурс» выходит за рамки и пределы самого себя. С этим связан и основной тезис исследования А. Шуберта: «внутренняя структура системы

определений мышления (следовательно, логика) исключает телеологический вывод и онто-теологическое гипостазирование данной системы, что происходит в абсолютной системе логоса, природы и духа как предмете “Энциклопедии”» [1, С. 8].

Притом А. Шуберт далек от мысли, чтобы критиковать Гегеля за противоречие между диалектическим методом и метафизической системой, что делали в свойственной им манере особенно марксисты. Он выражает свое несогласие с такой постановкой вопроса и, не останавливаясь на констатации этого несоответствия, полагает, что «диалектический метод есть ничто иное как внутренняя связь, т. е. системность системы как таковой» [1, С. 8]. Основное же противоречие философии Гегеля он усматривает скорее в несоответствии «внутренней структуры» и «внешнего строения» (если использовать выражения О. Шпенглера). И нам, читая в настоящее время Гегеля, надо постоянно иметь в виду, что помимо, так сказать, видимого содержания онто-теологического гипостазирования, присущего «Энциклопедии», в системе Гегеля всегда присутствует идея структуры, которая базируется на радикальной отрицательности, делающей невозможным восстановление чисто утвердительного наличия какого-либо субстрата или субстанции.

Определения, которые даны Гегелем понятию логического, свидетельствуют о такой диспозиции идеи структуры в логике. Прежде всего, логическое нужно увязать в единое целое с предметом логики, т. е. непосредственно с самим мышлением. «Логическое есть абсолютная форма истины, – отмечает Гегель и лапидарно добавляет при этом, – само есть чистая истина» [2, С. 108]. Нам следует, между тем, заметить главное, что логическое понимается Гегелем вообще «как система определений мышления» [2, С. 121]. Правда, тем самым еще не прояснено, каким образом формируется система определений мышления из логического. Скорее, речь идет о том положении Гегеля, что система определений мышления нам дана «не только в смысле субъективной деятельности, а, наоборот, как всецело всеобщее и, следовательно, вместе с тем объективное» [2, С. 204]. Онтологизация же логического в смысле внекатегориального субстрата невозможна по той причине, что оно полагается не только в качестве преднаходимой данности для мышления, но и как результат деятельности такого мышления, которое «есть деятельное всеобщее – деятельность производящая именно себя, т. к. деяние, то, что произведено, есть всеобщее» [2, С. 112].

Следует отметить, что логическое как способ самосозидания мысли непосредственным образом связано со спекулятивным методом. «Логическое в абсолютной идее может быть названо также одним из способов ее /постижения/, – откуда Гегель заключает, – но если “способ” обозначает некоторый особенный вид, некоторую определенность формы, то логическое, напротив, есть всеобщий способ, в котором все отдельные способы сняты и заключены» [3, С. 289]. Логическое удерживается Гегелем за рамками возможной онтологизации методологических проблем как всеобщих понятийных форм познавательной деятельности, а также за рамками онтологического гипостазирования в качестве субстрата понятийного содержания, что может быть выражено только природой основного принципа его

философствования: тождество тождества и нетождества. Понятие принципа философствования для Гегеля неразрывно связано с постижением логического согласно нормам и принципам самой абсолютной идеи. «Она [абсолютная идея] есть свое собственное содержание, – пишет он, – поскольку она есть идеальное различие самой себя от себя, и одно из этих различенных есть тождество с собой, которое, однако, содержит в себе тотальность форм как систему содержательных определений. Это содержание есть система логического» [2, С. 420]. Проследив дальнейший ход рассуждений Гегеля можно констатировать, что он пытается истолковать логическое как самоценность. По словам Гегеля, логическое «получает свою истинную оценку, когда оно становится результатом опыта наук. Этот опыт являет духу это логическое как всеобщую истину, являет его не как некоторое особое знание наряду с другими материями, а как сущность всего этого прочего содержания» [4, С. 112–113].

Таким образом, ярко выраженная процессуальность негативной структуры рефлексии при мысленном определении уже чистого бытия исключает возможность его утверждения как абсолютного принципа и содержательной основы целого. По замечанию Гегеля (в этом смысле его можно считать создателем теории «абсолютной негативности»), «превращение всякого устойчивого существования в абсолютную текучесть есть простая сущность самосознания...» [5, С. 105]. Гегель настолько далек от мысли утверждения устойчивых границ существования, что так и остался где-то «между» предположением фундаментального присутствия чего-либо и отрицанием всякого окончательного полагания чего-либо. И разорвать порочный круг метафизического постулирования рефлексии как побудительного принципа движения мышления можно только вложив в рефлексию функцию по созданию системы абсолютной негативности. Такая широкая система координат для рефлексии создается при условии замены логики на логическое. Значимое расхождение между двумя этими системами обнаруживается в оценке их статуса. «Система логики, – заявляет Гегель, – это царство теней, мир простых сущностей, освобожденных от всякой чувственной конкретности» [4, С. 113]. И тем самым он как бы определяет дальнейшую судьбу логики, поскольку при таком понимании когнитивного смысла простоты и освобождения «сама идея “логики” теряется во множестве изначальных вопросов» [6, С. 34].

В логическом же Гегель соприкасается с нечто иным, не подпадающим под метафору тени, поскольку он должен выразить невыразимое ради него самого и тем самым «придавать логическому ценность такого всеобщего, которое больше уже не находится как нечто особенное рядом с другим особенным, а возвышается над всем этим и составляет его сущность, то, что абсолютно истинно» [4, С. 113].

Всем этим, как подчеркивает и А. Шуберт, «имплицитно радикальное изменение значения “рефлексии” по сравнению с идеалистической метафизикой рефлексии [Нового времени]. Она уже не может быть схвачена как побудительная причина логического движения в смысле метафизического принципа, например, недвижимого двигателя аристотелевской философии в лице нуса. Логика рефлексии – и не случайно она определяется в качестве процессуального единства полагания и предположения – описывает скорее функцию систематической

дислокации, согласно которой конституируется структура всей логики как системы абсолютной негативности, не допускающей никакого принципа и любого другого фундаментального присутствия как предпосылки» [1, С. 33]. Движение конституирования определений мышления, именно как определений мышления, становится способом их перехода друг в друга и одновременно движением конституирования систематической связи категорий друг с другом. А ставший результат в форме категории одновременно образует исходный пункт своего движения. Любой результат как пункт возврата, который вновь становится исходным пунктом дальнейшего движения, отрицает совершающее свое движение отрицание. И тем самым Гегель пытается в дискурсивной форме представить самодвижение. В себе остающееся движением самодвижение – это круг или спираль. Одновременно самодвижение продуцирует из себя то, что движется. А движется сама система, негативное же сохраняет себя в процессе отрицания своих предпосылок.

Абсолютная беспредпосылочность начала выражает собой из себя положенное противоречие как причина противоречивости всех последующих определений мышления, которые образуют из себя движущуюся взаимосвязь, а движение по логике сущности будет выступать «самим налично сущим противоречием» (Гегель) дискурсивности и недискурсивности философского мышления. «То, что полагается вначале есть скорее сама рефлексия, – как утверждает А. Шуберт, – которая “в начале” абстрагируется от себя (от целого структуры логических определений) и, таким образом, от определяющей структуры предикатирования [выделено мной, А. К.] ... Тем самым, проблема начала не только указывает на логику рефлексии; она скорее лишь потому вообще является проблемой, что начало как таковое уже находится в “круге рефлексии” (Шеллинг)» [1, С. 35–36].

Зафиксированные метафизическим мышлением категории в качестве абсолютных, вневременных и дискурсивных сущностей логическим началом гегелевской философии приведены в движение, переход и взаимосвязь друг с другом. В этом случае «философский дискурс конституирует специфическое пространство нейтрализации сложившихся и установленных дискурсивных определенностей» [7, С. 7]. Однако «побудительная причина» движения все еще усматривается в чем-то другом. Для этого предполагается некий субъект движения. Одним из наиболее продуктивных способов антиноминации субъекта движения является деструкция философского дискурса. Предикативная форма мышления перестает работать, когда мышление должно помыслить немислимое, например, движение. Как отмечает Гегель, «в своем самодвижении сущность есть рефлексия ... Становление в сущности, ее рефлектирующее движение, есть поэтому движение от ничто к ничто и тем самым движение обратно к самой себе ... Движение как процесс поворачивается непосредственно в самом себе, и лишь таким образом оно самодвижение – движение, исходящее из себя» [8, С. 18–21].

М. Хайдеггер, осуществляя поиск множественности различий в отрицании, приходит к выводу, что «мы до такой степени конечные существа, что не в состоянии по собственному решению и воле достичь изначального столкновения с ничто» [6, С. 35]. А выход за пределы сущего как удержание себя в позиции ничто

всегда сопровождается трансцендированием и порождением метафизики. Мышление же Гегеля обозначает процесс «движения от ничто к ничто» как процесс возвращения в себя. Таким образом, трансцендирование и выход за пределы сущего – это только первая, метафизическая часть спекулятивного мышления, которая неизбежно сопровождается в последующем и возвращением в себя как снятием уже достигнутого в предыдущем процессе столкновения с ничто.

Рефлексия в логике Гегеля становится абсолютным противодвижением в самой себе. Она предполагает саму себя как бытие и одновременно снимает это предположение, поскольку рефлексия определяется как непосредственность и делает непосредственность лишь моментом своего бытия. В этом движении рефлексия указывает на многомерную комплексную организацию различных рефлексивных отношений. В своем определении рефлексивных отношений она одновременно возвращается назад к себе. В связи с этим обратным ходом мысли она берется Гегелем как способ дискурсивного изложения материала, а так же и как излагаемое самим собой содержание процесса в этом изложении: рефлексия-в-себя и рефлексия-в-другое, и одновременно рефлексия рефлексии-в-себя-и-в-другое. Гегелевское изложение понятия рефлексии соотносится вместе с тем и с критикой рефлексивных основ философии Нового времени. При этом критика видится Гегелем не как что-то внешнее для изложения понятия рефлексии, а как следствие дискурсивного расширения действия сетей рефлексивной проблематики в понимании структуры логического. Тем самым в философии Гегеля чистая абсолютная рефлексия определяется как саморефлексия. Это изменяет смысл рефлексии вообще, ибо она сама начинает устанавливать для себя свои условия и основу, познает свою сущность всегда оставаясь «движением от ничто к ничему». Тезис о беспредпосылочности рефлексии – важный результат философии Гегеля, благодаря которому упраздняется абсолютно фиксированное положение определений мышления; возникновение гибких форм их взаимодействия становится следствием процессуального взаимоперехода.

А. Шуберт много раз проговаривает центральное методологическое предупреждение-предостережение от понимания «прозрачности» логики рефлексии в «метафизическом» смысле различения первопричины и форм ее проявления. Если предполагается выявить логический смысл рефлексии, то спекулятивная сторона этого процесса будет выступать смыслообразующей по отношению к метафизической.

По словам А. Шуберта, «1. Структура “рефлексии”, в известной степени, предстает нам как обособленная от сознания логическая структура, объективная структура понятийных отношений.

2. Соответственно, изображение взаимосвязи определений мышления может происходить без оглядки на рефлектирующий субъект, поскольку категории, будучи объективно в себе рефлектированными, становятся понятными согласно их самодвижению.

3. Движение “Науки логики” опирается на абсолютную рефлексию, которая в качестве разумной рефлексии выражает собой систематическое единство полагающей, внешней и определяющей рефлексий, и тем самым она возвышается

над просто резонирующей рефлексией, остающейся всегда внешней относительно своего предмета» [1, С. 69].

В «Науке логики» Гегеля рефлексия в качестве объективной логической структуры становится конституирующим моментом и, более того, существенным моментом всей системы логического. В результате такого спекулятивного преобразования рефлексии субъект движения полагается в ходе циркуляционного движения мышления вместо того, чтобы служить изначальным условием такого движения и конституировать возможность его протекания.

Совокупность подобного рода генерализаций и интеграций в системе логики Гегеля, как полагает А. Шуберт, перемещает ядро проблематики рефлексии от субъекта к структуре, маркируя тем самым новую проблему: «помыслить рефлексия как чистую, бессубъективную и бессубстратную в себе движущуюся структуральность» [1, С. 72].

Рефлексия как целое «Науки логики» в истолковании А. Шуберта «представляет собой чисто функциональную связь, которая не зависит ни от абсолютно полагемого в основу субъекта, ни от какого-либо еще абсолютно предполагаемого присутствия вообще чего-либо (будь то метафизические принципы Бога, духа, мира, будь то бытие как таковое, или какая-либо другая тайная первооснова) и сама не становится абсолютной первопричиной; она утверждает лишь способ движения всегда уже исторически предполагаемых категорий и эмпирически существующего субъекта» [1, С. 74].

Затем в стиле деконструкции А. Шуберт разбирает причины восстановления в логике понятия абсолютного «сигнификата», с которым он и связывает абсолютный идеализм Гегеля. Такой поворот объясним, поскольку все формы Абсолюта (вещь в себе, трансцендентальный субъект, трансцендентальный объект), принадлежащие философии Канта, были подвергнуты критике со стороны Гегеля. Программа изложения движения логики понятия в «Науке логики» усматривается А. Шубертом в характере деконструкции «трансцендентального сигнификата» во всех формах его проявления. Видимость Абсолюта в философии Гегеля не разрушается совсем, а демонстрируется как универсальная видимость в силу неустранимости различий между субъективностью и объективностью логического понятия.

Все формы Абсолюта в любой философской системе по природе своей «чистой имманенции» будут нам являться абстрактно бесконечными. Гегелевскую деконструкцию «трансцендентального сигнификата» можно уподобить методу рассеяния «чистой имманенции». Этот метод делает ее «видимой». И тем самым деконструкция стремится установить лишь видимость «чистой имманенции», чему и должна служить рефлексия. Гегель показал необходимость и неизбежность порождения видимости как устойчивого субстанциалистского денотата, определил условия ее возникновения. Таким образом, она становится «реальной видимостью», видимостью движения целого. А в качестве таковой ее можно устранить не посредством абстрактного голого отрицания, но лишь деконструкцией (т. е. разрушать видимость, восстанавливая причины ее порождения). Сам этот каскад действий заслуженно приписывается логической структуре, которая уже больше не является ни субъектом, ни субстратом движения определений мышления.

Кстати, ностальгия по поводу реального денотата для «трансцендентального сигнификата» сохраняется до сих пор. Так, спекулятивный реализм предполагает, что современная философия страдает от безвозвратной потери «чистой внешности» из-за трансцендентализма. «Возможно, – по утверждению Квентин Мейясу, – современные философы так упорно стараются доказать, что мышление есть чистая ориентация наружу, чтобы смириться с потерей – через отрицание утраты, сопутствовавшей отказу от догматизма. Современные мыслители безвозвратно лишились Великого Внешнего, абсолютного Внешнего докритических мыслителей: Внешнего, не опосредованного отношением к нам, данного как безразличное к собственной данности, существующего в себе, безразлично, мыслим мы его или нет; такое Внешнее, которое мысль могла бы постигать с оправданным чувством пребывания на чужой территории – в совершенно чуждом ей месте» [9, С. 14–15].

Если критиковать абсолютный идеализм его же собственными средствами, в частности, не используя деконструивистское прочтение, но используя идею структуры, которая способствует установлению и упразднению универсальной видимости для абсолютного субъекта логического содержания, то, тем не менее, за рамками исследования остается практический субъект в силу сложности данного предмета. Понимание природы практического субъекта является кульминационным пунктом спора между Гегелем и Кантом, между абсолютным идеализмом и трансцендентализмом. Согласно Канту, абсолютная ноуменальная имманенция теоретического разума, в качестве вещи в себе, обретает позитивное значение только как Я в сфере практического разума. Чистая саморепрезентирующая позитивность полностью перенесена на Я дающего нравственные законы разума, которая в теории познания была лишь абсолютной негативностью, вещью в себе. При этом объективный мир, как и прежде, лишен единства понятия и является для себя ничем (т. е. ему не хватает «абсолютного Внешнего докритических мыслителей»), а свою ценность он должен получить только благодаря целям блага (по Гегелю).

Список литературы

1. Schubert A. Der Strukturgedanke in Hegels «Wissenschaft der Logik» / Alexander Schubert. – Königstein / Ts.: Hain, 1985. – 286 S.
2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г. В. Ф. Гегель. – Т.1. Наука логики.– М.: Мысль, 1974. – 452 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Т.3. – М.: Мысль, 1972. – 371 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Т.1.– М.: Мысль, 1970. – 501 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / Г. В. Ф. Гегель. – СПб.: Наука, 2006. – 443 с.
6. Хайдеггер М. Лекции о метафизике / Пер. с нем. и коммент. С. Жигалкина. – М.: Языки славянских культур, 2010. – 160 с. – (Studia philosophica. Series minor).
7. Фаритов В. Т. Онтология трансгрессии. Г. В. Ф. Гегель и Ф. Ницше у истоков новой философской парадигмы (из истории метафизических учений) / В. Т. Фаритов. – СПб: Алетейя, 2017. – 580 с.
8. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Г. В. Ф. Гегель. – Т.2. – М.: Мысль, 1972. – 248 с.
9. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой / Квентин Мейясу. – Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.

Kuzmin A. A. Speculative Logic of Hegel in the Modern Discursive Situation // Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Culturology. – 2019. – Vol. 5 (71). – № 1. – P. 59–56.

Speculative logic of Hegel becomes the arena of contemporary debates over the meaning of the priorities of the logical thoughts. For modern interpreters of Hegelian philosophy, his system of definitions of thinking is arranged in such a way that excludes the possibility of onto-theological hypostatization. The aim of the research is to identify the most important prerequisites of Hegel's discourse for the formation of this interpretation. The author shows that the logical in Hegel's philosophy expresses the structural structure of the world and its system, supposing and at the same time denying ontological signatures. The author proposes to consider the key points to clarify all the constructions and systematic conclusions of modern philosophers about Hegel's logic related to the concept of reflection, which, as an adequate form of self-movement expression, should replace the time-tested installation of transcendental philosophy on non-underlying speculation. The modern German researcher of the work of Hegel A. Schubert attaches great importance to the change of the systematic dislocation of reflection in the discourse of Hegel. In Hegel's philosophy, pure absolute reflection is defined as self-reflection, which assumes a completely different meaning of reflection in General, for it begins to establish its own conditions and basis for itself, learns and recognizes its essence to always remain "a movement from nothing to nothing".

Keywords: Logical, Hegel, A. Schubert, onto-theological hypostatization, structure, reflection

References

1. Schubert A. Der Strukturgedanke in Hegels «Wissenschaft der Logik». Königstein /Ts., Hain, 1985, 286 s.
2. Hegel G. W. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk: V 3 t. Tom 1. Nauka logiki. [Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 1. Science of Logic]. Moscow, Mysl publ., 1974, 452 p.
3. Hegel G. W. F. Nauka logiki: V 3kh tomakh. T. 3. [Science of Logic. Vol.3.]. Moscow, Mysl publ., 1972, 371 p.
4. Hegel G. W. F. Nauka logiki: V 3kh tomakh. T. 1. [Science of Logic. Vol.1.]. Moscow, Mysl publ., 1970, 501 p.
5. Hegel G. W. F. Fenomenologiya dukha [Phenomenology of Spirit]. SPb., Nauka, 2006, 443 p.
6. Khaydegger M. Lektsii o metafizike [Lectures on Metaphysics], per. s nem. I comment. S. Zhigalkina. Moscow, Yazuki slavyanskikh kultur, 2010, 160 p. (Studia philosophica. Series minor).
7. Faritov V.T. Ontologiya transgressii. G.W.F. Hegel I F. Nitshe u istokov novoy filosofskoy paradigmu (iz istorii metafizicheskikh ucheniy) [Ontology of Transgression. G. V. F. Hegel and F. Nietzsche at the Origins of the New Philosophical Paradigm (from the History Of the Metaphysical)]. SPb., Aleteya, 2017, 580 p.
8. Hegel G. W. F. Nauka logiki: V 3kh tomakh. T. 2. [Science of Logic. Vol. 2.]. Moscow, Mysl publ., 1972, 248 p.
9. Meyyasu K. Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After the Finite: an Essay on the Need for Contingent] / per. L. Medvedevoy. Ekaterenburg; Moscow, Kabinetnyy ucheny, 2015, 196 p.